

(Окончание. Начало на стр. 9)

— Я не думаю, что все они заканчивались неудачей, не думаю, что много было попыток и что все эти попытки были достаточно серьезные. У меня, кстати, есть еще одна идея — поставить его пьесу «Лисистрата». Леонид Алексеевич — сам актер, он задает интонационный строй настолько мощно, что все-таки за этим надо ходить. Сейчас, когда актеры разыгрались, спектакль превратился в настоящий шлягер. Зрители смеются!

— А не жалко актера, который так долго голый стоит на сцене? Говорят, что на сцене всегда холодно?

— Значит, надо играть, что жарко. Я играл голым в пьесе «Последняя ночь Отто Вейнингера». На сцене не думаешь о том, что холодно, жарко, больно, не переживаешь эмоции по «первой сигнальной системе».

— Вы в начале разговора сказали про тшешуе тело, а сами в роли Соленого выходите вполне упитанным?

— Соленый вообще не должен быть приятной личностью. Если бы я вышел стройным и красивым, то была бы непонятка большая.

— Но полнота ваша?

— И костюм такой, и моя ешь немножко. Сначала я Соленого сыграл, потом 2 месяца выпускал пьесу Филатова. Похудел на 10 кг. После премьеры я поправился снова на 5 кг. Это не самая большая проблема: если мне надо похудеть, я похудею, я знаю. Если надо потолстеть, потолстею.

— Соленый — герой всеми непонятый, который к людям расположен, а люди его не принимают. В нескольких рецензиях на «Трех сестер» проводилась мысль об автобиографическом характере этой роли для вас. Как вы к этому относитесь?

— С улыбкой, наверное. В любом случае отсыл к личной судьбе человека, если он что-то делает на сцене, — это странно, по-моему. В статьях скорее мысли критиков — какой, мол, *enfant terrible*. У меня там главная фраза — та, где Соленый говорит о себе, что в обществе он уныл, застенчив и говорит всякий вздор. Вот это — зерно, по Немировичу. Он застенчив. И хамит от застенчивости и брето-ром выглядит. Для меня его брестерство — не самое главное.

Жизнь коротка, искусство вечно

Приложение к «Независимой газете» по культуре и искусству

Выходит два раза в месяц

Ответственный редактор
Михаил СИДЛИН

Над номером работали:

Павел Белицкий. Николай Малинин.
Владимир Халтурин

Корректура:

Татьяна Бородоченкова. Елена Невская

Компьютерная верстка:

Надежда Романова. Татьяна Тулупова

Иллюстрации:

Ирина Алешкина. Мария Максимова

Телефон редакции
928-97-88

© «Независимая газета»

© «Кулиса НГ»

ИНФАНТЕРРИБЕЛЬНО

— Эта та роль, которую вы мечтали сыграть?

— Не та, конечно, о которой мечтал, но это — неожиданное и очень хорошее предложение. Оно меня поначалу застало врасплох, но потом, когда я почитал, подумал, то понял, что это очень интересно. От Чехова не отказываются. Я это понял после «Чайки» во МХАТе.

— Вы, как мне кажется, актер моторный, невратеник, а тут — такая малоподвижная, статичная роль. Тяжело было играть?

— Тяжело играть, потому что роль небольшая.

— А вообще-то маленькие роли есть?

— Есть небольшие роли. И в массовке тоже надо играть. На сцену же выходишь! Кривляешься, а тебе еще деньги за это платят и люди смотрят на тебя. Это же счастье.

— Есть устойчивое мнение, например, о спектаклях Эфроса, будто бы они все были недолговечны: чуть что менялось, и вся конструкция будто таяла на глазах. Казалось, спектакли Олега Николаевича Эфремова построены основательно. Но прошел год, и почти ничего не осталось...

— Во МХАТе весь май будут идти ефремовские спектакли. Я не думаю, что они сойдут.

— «Тартюф» тоже шел долго, но все говорили, что это «не тот» «Тартюф».

— Да почему не тот?! Изначальный посыл, как мне кажется, режиссерскопостановочный — радостный, быстрый, игровой. Другое дело, кто получил эту стихию из первых уст, кто — из вторых... Это всегда понятно. Я не видел ефремовских спектаклей после 24 мая, после его смерти.

— Почему?

— Не складывались обстоятельства. Я ведь в театр не большой ходок. Я и в кино не большой ходок. И читаю я в последнее время мало. Основное чтение — это, к сожалению, газеты. Всякие политические заметки. Новости смотрю — как интересно развиваются события.

— Считается, что актеры читают мало, смо-

трят мало, а режиссеры и читают много, и смотрят больше. То есть вы сейчас живете как актер?

— Я живу как я живу. Я не думаю, что я отдельно актер, отдельно режиссер. Есть такая чудесная человеческая выдумка — театр. Грех чудовишный или нет? Это смотря откуда театр вышел: из скоморохов или же жрецов. Лет пять вопрос меня занимает, чего больше в актере — шута или жреца. Сам по себе театр такая интересная штука, что в нем можно работать кем угодно. В театре жизнь гораздо свободнее.

— Вы бы сейчас согласились сыграть Треплева или Чацкого?

— Я думаю, Треплева и Чацкого мне играть уже поздновато. Меня и во МХАТе, и в принципе в театре напрягает ситуация, когда уж слишком большая возрастная разница между исполнителем и персонажем. Вообще до раздела МХАТ был театром великих актеров, его еще называли сборная СССР, а после раздела — стал театром великих спектаклей. «Три сестры», «Борис Годунов» — очень сильные спектакли, которые, может быть, мало поняты...

— Сейчас какие-то слова Эфремова вам вспоминаются? Чем-то они помогают?

— Конечно, помогают. Много чего вспоминается. Но мне сейчас все больше и больше интересно, как театр «Современник» существовал не с 56-го, а с 60-го по 67-й, в эти семь лет. Что это такое было... Какой-то аромат, аура тех высоких человеческих взаимоотношений в театре осталась, я чувствую. Это заслуга Галины Борисовны или Игоря Владимировича Кваши. Наверное, всех вместе. Когда мы ставили «Еще раз про голого короля», Гафт сказал очень точную фразу: «Когда я в театр пришел, тут все были диссиденты». Диссидент на диссидент. Сейчас, конечно, не так. Сейчас, конечно, не диссиденты, а скорее пофигисты. Другое время. У них, поскольку они были диссидентами, между собой были честные взаимоотноше-

ния. Не побоюсь этого слова — интеллигентские. Они остались.

— Вы ведь в жизни не пофигист?

— Когда как. Все зависит от предлагаемых обстоятельств.

— В профессии?

— В профессии я пытаюсь не быть пофигистом, но иногда бывает, к сожалению. Но иногда в актерской профессии пофигистом, кстати, быть полезнее. Потому что если тебе совсем по фигу и наплевать, то обычно лучше получается и начинаешь изображать хорошо.

— Чисто теоретически возможно, чтобы вы сделали что-то во МХАТе?

— Почему нет? Возможно, если позовут. Если не позовут, я могу сам что-то предложить. Сейчас я прекрасно понимаю, что МХАТ в таком положении, когда нельзя мешать своими предложениями и советами. Они сами разберутся. Олег Павлович не дилетант, наоборот — здоровая личность. Фигура. МХАТ будет другим, но он все равно останется. Школа-то та же.

— В связи с вашим именем вспоминается давняя история, когда вы ударили какого-то замдиректора театра. Сейчас вы иначе оцениваете ту историю или нет?

— Переоценка случилась практически сразу. Подумал: «Ах ты, черт, подставил...» Сразу же такая мысль пришла, но уже было поздно. Спровоцировали меня. Но... К сожалению, всплыли проблемы в очередной раз меня подвела. Нечистоплотные люди были в дирекции театра, и они продолжают там быть. Нечистоплотные они не столько материально, сколько духовно. Мелковаты по масштабам своим. Какие-то душевные вещи, которые в театре необходимы, не должны настолько забиваться, уничтожаться чванством дирекции, какими-то структурными, бюрократическими препонами. Мне непонятно, как может быть в театре такая вещь, как коммерческая тайна. Театр — убыточное производство. Какая коммерческая тайна?! Конечный продукт выдают артисты. Значит, это для них должно существовать, а не для мел-

ких воришек. «Контора», — называли это Немирович и Станиславский. Об этом как раз написано в «Театральном романе».

— Вы не хотите поставить «Театральный роман»?

— Нет. Может быть, я и хочу, но сейчас не могу... Хотя, конечно, мы с сестрой очень благодарны театру за проведение панихиды на кладбище и замечательный вечер памяти отца, который прошел на сцене МХАТа. Хотя несколько странно было читать в буклете, розданном всем приглашенным на этот вечер, пожелания долгих лет жизни, крепкого здоровья и творческих успехов человеку, скончавшемуся год назад в этот день.

— Какие у вас отношения с мамой?

— Хорошие. Я ее очень люблю, и она меня любит и ругает, потому что я, конечно, не свет в окошке.

— А бабушка она хорошая?

— Бабушка хорошая. Но ребенок у нас сейчас с другой бабушкой. У нас живет сейчас Ксюшина мама, моя любимейшая теща, которая бросила работу и приехала с ребенком сидеть. Нас спасла.

— Вы оба работаете?

— Да. Ксюша сейчас не снимается. Все время отказывается, человек очень разумный и очень талантливый, очень искренний. Ей всегда сложно решать, соглашаться на роли. Думает все время, очень серьезно к этому относится. Она не ремесленник. Во мне больше ремесленника, чем в ней.

— Хотя вы ремесленник, но не очень много работаете?

— Я работаю достаточно. Но не бросаюсь во все тяжкие. Зачем? Это будет совсем уж инфантеррибелно.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Михаил Эфремов родился 10 ноября 1963 года. Выходец из театральной семьи. Его отец — Олег Николаевич Эфремов, один из самых знаменитых русских театральных режиссеров XX века, мать — Алла Борисовна Покровская, актриса «Современника». Жена Михаила Эфремова — молодая звезда Ксения Качалина.